

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.17>

UDC 811.111'01
LBC 81.432.1-03

Submitted: 29.08.2016
Accepted: 30.09.2016

FORMULAS AND VOCABULARY OF RITUAL SPEECH IN OLD ENGLISH HEROIC EPIC (BASED ON DIRECT SPEECH IN THE POEM *BEOWULF*)

Natalya Yu. Gvozdetskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper deals with the linguistic and poetic analysis of the formula '*X mabelode*' ('someone said') in comparison to other ways of introducing direct speech in the Old English heroic epic poem *Beowulf*. It is considered to be dependent upon the situations of feast and battle which are regarded as the most significant social acts of the early Middle Ages. Its connection with ritual actions such as greeting, boasting, giving oath, flyting, giving treasures, etc. is analysed – the actions which accompanied ceremonial interaction of the nobility. Its close links with canons of Old Germanic alliterative verse and poetics of heroic epic is described, as well as the means of lexical and semantic variability and contextual extension. In the position of the subject ('*X mabelode*') proper names prevail which shows the connection of the formula with alliterative lists of names of Old Germanic chieftains. The presence of patronymic, ethnonymic and eponymous names as well as words emphasizing the formal type of communication indicates the important role of this formula in displaying the values of the heroic world. At the same time, the anonymous author's remarks, narrative or reflective, testify to the serious changes which the poetics of heroic epic has undergone after the conversion of England. The cognates and derivatives of the verb *mabelian* allow to refer the semantics of the formula '*X mabelode*' to the period of Germanic tribal community. Its subsequent fate is predetermined by the extinction of the Anglo-Saxon poetic tradition and the transformation of the English society after the Norman invasion of England. However, the verbal form *mabelode* has given its function of a high poetic word to its synonym *cwæþ*, which is represented in the poetry of modern times as *quoth*.

Key words: poetic formulas, ritual, direct speech, Old English poetry, alliterative verse, *Beowulf*.

УДК 811.111'01
ББК 81.432.1-03

Дата поступления статьи: 29.08.2016
Дата принятия статьи: 30.09.2016

ФОРМУЛЬНОСТЬ И ЛЕКСИКОН РИТУАЛЬНОЙ РЕЧИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВВЕДЕНИЯ ПРЯМОЙ РЕЧИ В ПОЭМЕ «БЕОВУЛЬФ»)

Наталья Юрьевна Гвоздецкая

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена лингвопоэтическому анализу формулы ‘*X mabelode*’ «(некто) молвил» в сопоставлении с другими способами введения прямой речи в древнеанглийской героико-эпической поэме «Беовульф». Установлена ее зависимость от ситуаций пира и битвы, то есть наиболее значимых социальных актов раннего средневековья. Анализируется ее связь с ритуальными действиями (приветствие, похвальба, клятва, перебранка, дарение сокровищ и т. п.), которыми сопровождалось церемониальное общение знати. Описаны тесные связи данной формулы с канонами древнегерманского аллитерационного стиха и поэтикой героического эпоса, способы ее лексико-семантического варьирования и контекстуального расширения. Преобладание имени собственного в позиции субъекта (X) показывает связь формулы с древнейшими аллитерирующими перечнями германских вождей. Наличие патронимов, этнонимов и эпонимов, а также слов, подчеркивающих торжественный характер коммуникации, отмечает важную роль формулы в отображении ценностей героического мира. Вместе с тем авторские ремарки нарративного или рефлексивного характера свидетельствуют о глубоких изменениях, которые претерпевала поэтика героического эпоса в пору христианизации Англии. Этимологические параллели и деривационные связи глагола *mabelian* позволяют возвести семантику данной формулы к эпохе общегерманского племенного сообщества. Дальнейшая ее судьба связана с угасанием англосаксонской поэтической традиции и трансформацией самого английского общества после нормандского завоевания Англии. Однако свои функции высокого поэтизма глагольная форма *mabelode* передала своему синониму *swæþ*, представленному в поэзии нового времени как *quoth*.

Ключевые слова: поэтические формулы, ритуал, прямая речь, древнеанглийская поэзия, аллитерационный стих, «Беовульф».

Единственная сохранившаяся рукопись древнеанглийской поэмы «Беовульф» датируется началом XI в., но ее сюжет, отразивший обычаи и образ жизни германских племен V–VI вв., восходит ко времени переселения англосаксов в Британию и характеризуется переплетением языческих и христианских мотивов. Несмотря на сложность ее идеологических и литературных истоков, эта поэма остается для историков памятником раннесредневековой цивилизации Северной Европы, а для филологов – образцом раннего синтеза устной германской и книжной латинской словесности в истории английского языка и литературы [10]. Значительное место занимают в поэме торжественные речи героев (монологи и диалоги) в обстановке пира и битвы, ее главных сюжетных составляющих. Эти речи, с одной стороны, отражают реалии раннего средневековья, когда «не документ, а ритуал регулировал отношения между людьми», так что любой «социальный акт неизменно нуждался в зримом, осязаемом оформлении и приобретал реальность постольку, поскольку сопровождался ритуальным словом и поступком» [2, с. 73]. С другой стороны, те же речи являются частью художественного целого, в котором сквозь нарративный канон героико-эпического жанра пробивается голос анонимного автора более поздней эпохи, способный дать иную, более рефлексивную оценку происходящего,

преодолевающую границы героико-эпического мироощущения.

В родоплеменных сообществах почти всякий социальный акт связывался с языческими культами и потому имел сакральные основания, сопровождаясь церемониями как внешним проявлением ритуала. Оба термина применимы, на наш взгляд, для описания коммуникативного (вербального и невербального) поведения людей раннего средневековья, с той разницей, что «ритуал строится на “вертикальной” оси, связующей мир людей с сакральными силами, тогда как церемония выражает “горизонтальные” отношения между людьми без ставки на сакральное» [7, с. 409].

Ритуальные речи вводятся в текст «Беовульфа» посредством особых, повторяющихся, стереотипных, но варьируемых слов и фраз, которые приобретают формульный характер. Формула в древнеанглийской поэзии – это варьируемое словосочетание или сложное слово, обладающее ритмико-синтаксическим и смысловым единством, которое используется для развития какой-либо эпической темы или мотива. Формульность эпического текста первоначально приписывалась потребностям устной импровизации [11], но позже стала считаться следствием особого литературного сознания древнего автора, который, принимая содержание своего творчества за всеми признаваемую истину, и в области словесной формы стремился не к оригинальности, а к сле-

дованию традиции [5; 8]. Повышенная формульность древнеанглийской поэзии проистекает, в том числе, из архаической природы самого древнегерманского аллитерационного стихосложения, где метрические единицы стиха еще не отграничены от целостных смысловых частей высказывания, составляющих краткую и долгую строку (подробнее см.: [6]), откуда следует также связь формульности с нарративными стратегиями древнеанглийского поэтического повествования [1]. Наконец, в отношении ритуальных речей формульность может рассматриваться как словесное отображение стереотипного характера поведения, воспроизводимости которого поддерживает социальные связи и устои общества. Изучение связи древнеанглийского поэтического лексикона (в том числе слов, посредством которых вводятся в текст ритуальные речи героев) с приемами построения древнеанглийской поэтической речи (от уровня стиха до уровня композиции памятника) позволяет лучше понять его лингвистические особенности и дальнейшую судьбу в истории английского языка.

Центральной формулой, посредством которой вводится в текст ритуальная речь героев, является конструкция 'X *mápelode*' – «(некто) молвил», которая во всех случаях без исключения совпадает с границами первой краткой строки (a), составляющей половину строки долгой как основной единицы аллитерационного стиха (вторую краткую строку принято обозначать буквой b). Первая часть этой формулы (X) всегда включает варьируемое имя героя (собственное или нарицательное) в позиции субъекта, вторая ее часть практически неизменяема, поскольку смена глагола речи ведет к трансформации самой формулы как ритмико-синтаксического и смыслового единства или замене ее иными, менее частотными формулами. Ср. примеры с иной метрической, синтаксической и семантической структурой: *frægn* – «вопросил» 236b, 332b; (*a*)*cwæð* – «сказал» 315b, 654b, 2662b; *spræc* – «произнес» 341b, 2510b; *sægde* – «сказал» 2899b (здесь и далее текст «Беовульфа» цитируется в переводе автора статьи, если не указано иначе, с обозначением номеров и границ поэтических строк, краткой и долгой, по изданию: *Beowulf*. Ed. with an Introduction,

Notes and New Prose Translation by M. Swanton. Manchester, Manchester University Press, 1990). Во всех этих примерах субъект действия заменяется объектом, а сама конструкция вытесняется во вторую краткую строку: *word æfter cwæð* (315b) – «слово после сказал»; *ond þæt word acwæð* (654b) – «и то слово сказал». Исключение, на первый взгляд, составляют три выражения с формой (*ge*)*spræc*, отвечающие модели «субъект + предикат» («некто заговорил»). Однако они явно составляют периферию данной формульной системы: в одном случае меняется порядок слов (*gespræc þa se goda*, 675a), в другом – сама конструкция вытесняется во вторую краткую строку (*þa se beorn gespræc*, 2792b), в третьем – и глагол вытесняется в метрически безударную позицию (*spræc ða ides Scyldinga*, 1168b).

Структурная и лексическая устойчивость формулы 'X *mápelode*' обнаруживает ее специализированную роль в тексте, направленную на то, чтобы подчеркнуть торжественный, публичный характер речи, связанной с выполнением некоего требуемого обычая ритуала, чему всегда отвечает и ее содержание. Другие указанные формулы, как правило включаемые в одну коммуникативную ситуацию с первой, подготавливают или завершают ритуальное общение, но никогда не стоят в его центре. Рассмотрим место формулы 'X *mápelode*' в сюжете и композиции поэмы.

Из двадцати шести ее употреблений почти половина связана с описаниями пиров, один из которых предшествует победе Беовульфа над мифическим великаном Гренделем, а другой – следует за ним. Первому пиру предшествует прибытие Беовульфа с дружиной на корабле из Швеции в Данию, которое сопровождается двумя диалогами со стражами, допускающими его во дворец к королю данов Хродгару. Оба диалога – сначала с не названным по имени береговым охранником, потом с привратником Вульфгаром – строятся по единой модели, которая отмечается одинаковой последовательностью вводных глаголов говорения: *frægn* – *andswarode* – *mápelode* – «спросил – ответил – молвил». Появление последнего глагола вызвано, по-видимому, изменением тональности общения. Если в задаваемых вопросах стражи проявляют осторожность по отношению к чужакам,

то, удостоверившись в знатном происхождении и благородных намерениях героя, отвечают в подчеркнутом тоне ритуального приветствия, подкрепляя его обещанием поддержки. В обоих случаях, однако, последнее напутствие стражей вводится иными выражениями (*cwæþ*, 315b; *word abead*, 390b), что усиливает церемониальную учтивость, заключенную в предшествующей формуле ‘*X mabelode*’. Семантика глагола *abead* дополнительно подчеркивает церемониальное поведение привратника: следуя приказу Хродгара (*gesaga him eac wordum*, 388a – «скажи ему также словами»), то есть не только проведи в залу), Вульфгар не просто «произнес», но букв. «предложил, поднес» свою речь Беовульфу как дар: *ond him hæł abead* (653b) – «и ему удачи пожелал».

Речи героев на первом пиру вводятся исключительно формулой ‘*X mabelode*’, несмотря на различный эмоциональный тон общения (от нейтрального до дружелюбного или враждебного). Ритуальный характер вербального поведения Вульфгара и Хродгара (360a, 371a) диктуется их социальными ролями сюзерена и вассала; Хродгара и Беовульфа (405a, 456a) – отношениями хозяина и гостя, к которым добавляются также отношения вождя и дружинника (военная помощь героя королю означает поступление к нему на службу); Беовульфа и Унферта (499a, 529a) – ритуальным соперничеством (испытанием героя) перед битвой, которое сравнивают с речевым жанром «перебранки» [4]. Общение королевы Вальхтеов с Беовульфом ограничивается здесь ритуальными действиями (ср. формульные выражения: она «поднесла [ему] медовую чашу» – *medoful ætbær*, 624b; «он эту чашу принял» – *he þæt ful gefeah*, 628b); ответ героя – клятва победить чудовище – вводится формульным выражением *Beowulf mabelode* (631a), обозначающим словесную сторону ритуального поведения.

Ритуальные речи составляют кульминационные моменты пира. Вместе с его окончанием из рассказа исчезает и формула ‘*X mabelode*’, несмотря на то что Хродгар высказывает благословение герою перед отходом ко сну и сам Беовульф произносит еще одну клятву, восходя на ложе. Можно, однако, усомниться в степени публичности этих ре-

чей: Хродгар спешит из зала в покои жены, Беовульф остается на ночь со своей дружиной. Вместо данной формулы в этих эпизодах используются другие глаголы речи (*abead*, *acwæþ*; *gespræc* – 653b, 654b; 675a).

После победы героя возобновляется пир. Вместе с ним в поэтическую речь возвращается формула ‘*X mabelode*’, маркирующая три обращения – Хродгара к Беовульфу (925a), Беовульфа к Хродгару (957a) и Вальхтеов к Беовульфу (1215a). За вторым и третьим обращением следует ритуал одаривания героя и его дружины сокровищами; речь Вальхтеов отражает сакральный характер этой процедуры, даровавшей герою везение и славу.

Любопытно при этом, что предыдущее, не менее церемониальное обращение королевы к супругу вводится иной формулой, в которой глагол говорения оттесняется в безударную метрическую позицию, как отмечалось выше (*spræc ða ides Scyldinga*, 1168b). Заметим, это «исключение» сочетается в данном эпизоде с другими отклонениями формального и содержательного характера. Строки в этом месте памятника становятся утяжеленными, ритмически «разбухшими», близкими к прозе, чем нарушается канон аллитерационного стиха. Наряду с этим все описание второго пира перемежается авторскими ремарками пророческого или рефлексивного характера, расшатывающими поэтику героического эпоса. Иногда эти ремарки напоминают христианские поучения: *He властен смертный спасти от смерти...* (1002–1008), или *Но род человеческий ходит под Господом...* (1058–1062) (Беовульф, с. 85, 89). Иногда они сулят беды, намекая на непрочность устоев героического мира: ожерелье, которым одаривает Вальхтеов Беовульфа, принесет гибель его близкому родичу, и т. п. Даже песнь о битве при Финнсбурге, исполняемая на пиру сказителем (своеобразный «рассказ в рассказе»), не столько прославляет победу данов над фризами, сколько выражает скорбь женщины, чьи близкие погибают в междоусобице. Все эти незаметные, на первый взгляд, отклонения готовят читателя к будущей трагической гибели Беовульфа, которая изображается как гибель всего героического мира. Таким образом, ритуальное поведение Вальхтеов в поэме, направленное на утверждение мира и про-

цветания, оказывается в конечном счете недействительным. Героический кодекс дает трещину, и это не может не отразиться на чуткой к смыслу целого древнеанглийской поэтической фразеологии.

Однако, прежде чем погибнуть в битве с драконом, Беовульф должен будет победить мать великана. Новому прославлению героя в обстановке пира соответствует пятикратное употребление формулы ‘*X mabelode*’, которая вводит ряд речей: «отчет» Беовульфа королю данов о подвиге; со стороны короля – похвалу и предостережение против гордыни; благодарение герою короля при прощании; ответное пожелание удач герою; его рассказ о подвигах родичу-правителю по возвращении домой. Не связаны с обстановкой пира три употребления данной формулы, предшествующие подводной битве. Все же во всех этих случаях речи сохраняют публичный характер, в том числе распоряжение-клятва героя на берегу «моря Гренделя», в присутствии данов и гаутов, перед путешествием в подводное логово чудовищ (1473а). А две из них (рассказ Хродгара о нападении матери Гренделя и ответ-клятва Беовульфа – 1321а, 1383а) произносятся в пиршественном зале, разоренном великаншей: *healwudu dynede* (1317b) – букв. «древно зала гремело», поврежденные половицы отзывались на шаги Беовульфа. Отметим, что отдельные менее значимые реплики тех же персонажей передаются косвенной речью, в которой никогда не используется форма *mabelode*. Данный глагол представлен в тексте только формой 3 л. ед. ч. претерита и не встречается за пределами указанной формулы.

Последние шесть употреблений формулы приходятся на эпизод единоборства Беовульфа с драконом, где ему помогает его племянник Виглаф. Не все они отмечают публичный характер речи (едва ли можно назвать публичным обращение Беовульфа к Виглафу перед смертью), но во всех ощущается исполнение говорящим некоего статусного долга, близкое ритуалу. Три обращения Виглафа к дружине (призыв на битву; обличение в трусости, заканчивающееся проклятием; восхваление и оплакивание господина) вводятся указанной формулой (2631а, 2862а, 3076а); заведомо немногословное (в пылу сражения) подбадривание Виглафом Беовульфа таковой не

требует (*fea worda cwæð*, 2662b – «немного слов сказал»). Перед боем Беовульф, теперь уже король, трижды обращается к дружине, сидя на холме, как на престоле, что подчеркивает торжественность обстановки и его статус вождя. Две из этих речей, включающие, в том числе, ритуал похвалы, вводятся указанной формулой (2425а, 2510а); третья (прощание) – фразой *gegrette... hindeman side* (2516–2517) – «поприветствовал... в последний раз». Хотя и полный решимости, в этом последнем обращении герой, по его собственным словам, воздерживается от похвалы (*gylp ofersitte*, 2528b), чем нарушает ритуал.

Вместе с тем из трех предсмертных, равно «ритуальных», речей Беовульфа лишь первая, содержащая обращенную к Богу исповедь в исполнении заповедей и обязанностей правителя, вводится формулой ‘*X mabelode*’ (2724а); две другие (благодарение Богу за победу над драконом и добытые сокровища; благое напутствие племяннику, сопровождающееся ритуалом дарения обручья) обходятся без нее (*þa se beorn gespræc*, 2792b; *het hyne brucan well*, 2812b). Однако и в поэтике эпоса заметны к концу значительные перемены. Повествование приобретает элегический настрой, перебиваясь отрывочными намеками на убийства и смерти. Первое обращение Беовульфа к дружине представляет длинный монолог (воспоминание о племенных распрях и семейной трагедии), в котором голос героя неожиданно перебивается голосом автора: упоминание скорби родича по наследнику, случайно убитому на охоте родным братом, перетекает в рассказ о скорби безымянного старца по повешенному сыну, завершающийся известным позднеантичным мотивом *ubi sunt*, ср.: *Умолкли арфы, / и прежних пиршеств / не будет больше!* (57b–58) (Беовульф, с. 183). В этой связи неудивительно, что и речь безымянного вестника, посланного возвестить народу о гибели вождя и представляющая развернутое пророчество о предстоящей гибели всего племени гаутов, вводится не формулой ‘*X mabelode*’, но более нейтральным глаголом (*ac he soðlice / sægde ofer ealle*, 2899 – «но он истинно / всем возвестил»). Подчеркнутая торжественность неуместна там, где речь идет о разрушении героико-эпических ценностей.

Обратимся к возможностям варьирования и расширения данной формулы в ближайшем контексте. Позиция субъекта заполняется именем собственным: лишь однажды имя нарицательное *weard* идентифицирует безымянного стража (286a), возможно, из-за его более низкого социального статуса. Имя знатного человека в древнегерманском обществе было двучастным; его внутренняя семантическая форма указывала на атрибуты военной аристократии, осложнявшиеся сакральными, мифологическими чертами. Так, Хродгар (*Hroð-gar*) – «слава + копье», Вульфгар (*Wulf-gar*) – «волк + копье», Виглаф (*Wig-laf*) – «битва + наследие» («наследием битвы» мог метафорически обозначаться меч как вражеский трофей), Беовульф (*Beo-wulf*) – «битва + волк» (или «пчела + волк»; «волк пчел» – обозначение медведя). Конкретная лексика в этих именах отсылает к качествам, с которыми они ассоциировались: волк и медведь – воплощенные силы и храбрости, оружие – воинственности. Некоторые имена в эпосе могли намекать на свойства отдельного персонажа: так, имя затеявшего перебранку Унферта (*Un-ferð* = *Unfrið*) интерпретируется как «не-мир»; имя Вальхтеов, супруги датского короля (*Wealh-bea(w)*) – как «чужая (возможно, кельтская) пленница», поскольку женщин часто брали в плен после битвы. Двусоставные имена в формуле ‘*X mabelode*’ всегда заполняют первую акцентную вершину краткой строки и аллиментируют в строке долгой (чаще всего с патронимом), то есть несут высокую смысловую нагрузку в стихе. Субъект ритуальной речи говорит как известное лицо.

Патронимы были столь же важны в средневековом обществе, как и личные имена. Первое, что спрашивает береговой страж у Беовульфа и его спутников, – «сколь благородного они рода» (*æfter ædelum frægn*, 32b). Почти в половине примеров формула ‘*X mabelode*’ расширяется во второй краткой строке патронимом. Подобное расширение особенно важно для сюжетной роли Беовульфа, который прибывает в чужую страну. При введении речей Беовульфа расширение патронимом преобладает: *Beowulf mabelode*, / *bearn Ecgþeowes* (529a, 631a, 957a, 1383a, 1473a, 1651a, 1817a, 1999a, 2425a) – «Беовульф молвил, / сын (букв. «отпрыск») Эгтеова».

Имя Эгтеова, известное королю данов, подтверждает добрые намерения пришельца – Хродгар даже воспринимает приезд сына как желание отдать долг за услуги, некогда оказанные отцу.

Эквивалентом патронима может выступать наименование, включающее этноним или эпоним. Так, Вульфгар именуется при расширении формулы *Wendla leod* (348b) «вождь венделов (возможно, вандалов)». Имя Хродгара аллиментирует с перифразой, включающей имя прославляемого в зачине поэмы родоначальника датской королевской династии (1–11): *Hroðgar mædelode*, / *helm Scyldinga* (371a, 456a, 1321a) – «Хродгар молвил, защитник (букв. «шлем») Скильдингов (потомков Скильда)». Удивительно, что поэт не использует здесь для аллитерации созвучное имя отца Хродгара – Хальфдана. Связь с полумифическим прадедом (его полное имя *Scyld Scefing* – от слов *scyld* «щит» и *scef* «сноп» – восходит к культам войны и плодородия) оказывается более почетной, чем с отцом – полусторическим лицом, известным из скандинавских преданий. Перифраза «шлем (защитник) Скильдингов» переключается по смыслу с именем Скильда («щит, защитник»). Укорененность человека в своем роде-племени повышает его социальный престиж, в том числе как субъекта ритуальных речей.

Подобные расширения формулы ‘*X mabelode*’ следует считать древнейшими, поскольку истоки аллитерационной поэзии возводят к тулам – аллиментирующим перечням имен германских вождей, благодаря которым сохранялись знания о героях прошлого [5, с. 185]. Более того, считалось, что созвучие имен в пределах одного рода предрасполагает к наследованию славы предка. Отзвуки этих представлений находим при расширении формулы ‘*X mabelode*’ в «Беовульфе», где аллиментируют имена отца и сына: *Unferð mabelode*, / *Ecglafes bearn* (499), *Wiglaf mabelode*, *Weohstanes sunu* (2862, 3076).

Довольно редко расширение формулы происходит за счет продолжения высказывания в долгой строке. Так, в эпизоде обращения Вульфгара к Хродгару имя первого аллиментирует с перифрастическим наименованием второго: *Wulfgar mabelode* / *to his winedrihtne* (360) – «Молвил Вульфгар / свое-

му другу-господину». Чаще формула расширяется за счет комментирования второго имени в следующей долгой строке: *Wulfgar mabelode / – þæt wæs Wendla leod, // wæs his modsefa / manegum gecyðed, // wil ond wisdom* (348–350a) – «Молвил Вульфгар / – то был вендлов вождь, // была его отвага / многим знакома, // воля и мудрость». В данном случае комментарий дает «портрет» персонажа, демонстрирующий достоинства знатного воюющего перед его ответом пришельцу, что повышает торжественность речи. В других случаях подобный комментарий может передавать содержание конкретного эпизода, например, состояние героя в данный момент: *Wiglaf mabelode, / Weohstanes sunu, // sec, sarigferhð / – seah on unleofe* (2862–2863) «Молвил Виглаф, / Веохстана сын, // измученный, печальный (букв. «раненый духом») / – на неживого смотрел» (состояние Виглафа в момент смерти Беовульфа).

Комментирование действий персонажа в момент его речи расширяет экспрессивные возможности поэта и делает рассказ более динамичным, повышая роль автора в нем. Так, смысл «перебранки», которую неожиданно начинает на пиру Унферт в атмосфере веселья и счастья, делается понятным благодаря тому, что его речь предваряется шестистрочным комментарием: *Unferð mabelode, / Ecglafes bearn, // þe æt fotum sæt / frean Scyldinga, // onband beadurune; / wæs him Beowulfes sið, // modges merefaran, / micel æspunca, // forþon þe he ne ufe / þæt ænig oðer man // æfre mærdā þon ma / middangeardes // gehedde under heofenum / þonne he sylfa* (499–505) «Унферт молвил, / отпрыск Эггтеова, // тот что у ног сидел // господина Скильдингов, / развязал руны битвы; / было ему поведение Беовульфа, // храброго морехода, / совсем не по нраву, // ибо не желал, / чтобы другой человек // больше подвигов / в мире срединном // свершил под небесами, / чем он сам». Становится ясным и его высокое положение при дворе, и зависть, и злобный характер, – в таком контексте и воспринимаются его дальнейшие насмешки и обвинения Беовульфу.

Чаще всего второе имя героя во второй краткой строке элиминируется, и автор сразу приступает к комментированию ситуации,

иногда предвосхищая исход событий: *Biowulf mabelode / – he ofer benne spræc, // wunde wælbleate / wisse he gearwe // þæt he dæghwila / gedrogen hæfde, // eorðan wynne / ða wæs eall sceacen // dogorgerimes, / deað ungemete neah* (2724–2728) – «Молвил Беовульф / – он через силу говорил, // кровоточили раны, / знал он наверное, // что течение дней / подошло к концу, // земные радости / все отлетели, // дни сосчитаны, / смерть близка». Авторский голос проявляется здесь в элегическом мотиве ушедших радостей.

Авторское комментирование может разрастись до настоящего «рассказа в рассказе»: *Hrodgar mabelode, / hylt sceawode, // ealde lafe* (1687–1688a) – «Хродгар молвил, / рукоять разглядывал, // старинное наследство». Далее следуют десять строк, повествующих о волшебном мече, который помог Беовульфу одолеть великаншу: *он разглядывал / древний черен, / искусно чеканенный, / на котором означивалось, / как пресек потоп / великаново семя / в водах неиссякаемых, – / кара страшная! – / утопил Господь / род гигантов, богоотверженцев, / в хлябях яростных, / в мертвенных зыбях; / и сияли на золоте / руны ясные, / возвещавшие, / для кого и кем / этот змеуукрашенный / меч был выкован / в те века незапамятные / вместе с череном, / рукоятью витой* (1688b–1698a) (Беовульф, с. 132). Столь длинное отступление заставляет автора повторить, в измененном виде, формулу речи, которая опять сопровождается расширением: *Da se wisa spræc, / sunu Healdenes / – swigedon ealle* (1698a–1698b) – «Тут мудрец сказал, / сын Хальвдана, – молчали другие».

Как правило, «комментарий» включает от одной до трех строк. Наряду с описанием состояния героя, он может содержать информацию о коммуникативном акте, которая обычно акцентирует торжественный характер речи. В предыдущем примере торжественность обстановки подчеркивается ссылкой на молчание слушателей (1698b). Ту же роль может выполнять ссылка на аудиторию, объем речи или обстоятельства ее произнесения. Вальхтеов высказывает пожелание удачи Беовульфу «перед всем воинством» (*heo fore þæt werede spræc*, 1215b); Виглаф упрекает дружину в трусости «многими сло-

вами» (*wordrihta fela / sægde gesiðum*, 2631b–2632a). Береговой страж, «боец бесстрашный», вступает в диалог, «восседавая на коне» (*Weard mabelode, / ðær on wicge sæt, // ombeht unforht*, 286–287a).

Сходную функцию имеет описание внешности или действий героя. Беовульф впервые предстает перед Хродгаром, блистая искусно сплетенной кольчугой (*Beowulf mabelode / – on him byrne scan, // searonet seowed / smipes orþancum*, 405–406); в конце речи (453–455a) он сам характеризует ее как «лучшее из боевых облачений» (*beaduscruða beist, hrægla selest*), «наследство Хределя», его воспитателя (*Hrædlan laf*), «работу Веланда», мифического кузнеца (*Welandes geweorc*). Благодарение Хродгара Беовульфу за победу над Гренделем предваряется неспешным описанием ритуала вхождения короля в пиршественную залу: *Hrodgar mabelode / – he to healle geong, // stod on stapole, / geseah steapne hrof // goldne fahne / ond Grendels hond* (925–927) – «Молвил Хродгар / – он в залу прошел, // встал на пороге, / взглянул на кровлю крутую // златоукрашенную / и Гренделя длань» (лапа Гренделя выставлена как трофей). Наконец, расширение формулы может содержать указание на ритуальный тип речи: *Beowulf mabelode, / beotwordum spræc // niehstan siðe* (2510–2511a) – «Молвил Беовульф, / слова похвалы-клятвы произнес // в последний раз» (перед битвой с драконом).

Текст «Беовульфа» содержит специальные наименования – простые и сложные, в том числе метафорические, а также перифразы – для обозначения торжественной, ритуальной речи в целом и ее отдельных разновидностей. Так, Беовульф по возвращении на родину был допущен к медопитию не ранее, чем поприветствовал своего родича-правителя – *þurh hleoðorcwyde... meaglum wordum* (1979a–1980a) – «звучной речью... сердечными словами» ('with ceremonial speech, sincere words') (Beowulf, p. 129).

Исходным наименованием торжественной речи можно считать именную композит *mepel-word* «собрание-слово, слово в собрании». Сущ. *mepel* указывает в «Беовульфе» на собрание знатных воинов, где Хродгар желает вновь встретиться с героем (*modige on*

mepel, 1876a). Деривационная связь его с глаголом *mabelian* «молвить» проливает свет на ассоциацию ритуальной речи с королевским советом старейшин (древнеангл. *witena gemot* букв. «встреча мудрецов»), о котором впервые упоминает Беда Достопочтенный в эпизоде крещения короля Эдвина (Baeda Venerabilis. *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*. II, 13). На общегерманские истоки ассоциации говорения со сходкой указывает готская этимологическая параллель *mabl* «собрание» – *mabljan* «говорить», что позволяет допустить мотивацию обозначения ритуальной речи более древним институтом собрания всех воинов племени (тингом – *þing*), упоминаемом в «Германии» римского историка Тацита (Tacitus. *Germania*. 11).

Слово *þing* сохраняет в древнеанглийском языке значение «собрание, встреча», несмотря на развитие у него и более абстрактного смысла – «вещь». Словарь Босворта-Толлера трактует композиты *þingstede* и *medelstede* как синонимы: 'a place where a meeting is held' (Bosworth-Toller). В «Беовульфе» существительные *þing* и *þingstede* встречаются только при описании битвы (456a, 1082b). Поскольку на «тингах» (как показывает описанный в родовых сагах институт тинга в Исландии) прежде всего разрешались правовые конфликты, и нередко военным путем, то можно вслед за Ф. Клэбером допустить семантический перенос «встреча, сходка – спор – сражение» [9, p. 143]. Однако однокорневой глагол *þingian*, наряду со значением «заключать соглашение», обнаруживает и смысл «беседовать». Прощаясь с Беовульфом, Хродгар говорит: *ne hyrde ic snotorlicor // on swa geongum feore / guman þingian* (1842b–1843) – «не слышал я, чтобы так разумно // в столь юном возрасте / воин беседовал». Таким образом, этимологические, деривационные и семантические связи глагола *mabelian* позволяют понять, почему употребление формулы 'X *mabelode*' связано в «Беовульфе» с ситуациями пира (как эквивалента тинга или королевского совета) и битвы.

Среди разновидностей ритуальных речей отметим наименования похвалы и клятвы, которые составляли существенную часть ритуала подготовки к бою – *gilp / gylp, gilpan /*

gylpan, gilpcwide, gilphlæden, gylpword, gylpspræc; beot, gebeotian, beotword. Диалог, близкий словесному поединку, обозначается метафорически как «стычка словес» (*worda gefing*, 398b), а его переход в чреватую проклятиями перебранку связывается с магической силой сакральных знаков – рун (ср. выше об Унферте: *onband beadurune*, 501a «развязал руны битвы»). Напротив, ответ-приветствие Беовульфа стражу ассоциируется с ритуальным дарением сокровищ: *Him se yldesta / andswarode, // werodes wisa, / wordhord onleac* (257–258) «ему старший / отвечивал, // войсководитель, / открыл сокровищницу слов». Благодаря данной метафоре в «Видсиде», обозначающей поэтическое творчество сказителя (ср.: *Видсид вымолвил, / раскрывая словосокровищницу*, 1) [3, с. 14], обнаруживаются следы раннего синкретизма разных форм торжественной речи, который заметен также в описании реакции Беовульфа на приветствие Вальхтеов. Приняв заздравную чашу, герой «возликовал (букв. «запел»), воодушевленный на битву» (*ond þa gyddode / gupe gefysed*, 630), и тут же начал свое благодарение-клятву (*Beowulf mabelode, / bearn Ecgþeowes*, 631). Деривационная связь глагола *gyddian* с сущ. *gid(d)* «эпическая песнь» и его соположение с формулой ритуальной речи в тексте говорят о том, что здесь указанные словесные акты не разграничены.

Теперь осталось задаться вопросом о дальнейшей судьбе глагола *mabelian* и связанных с ней трансформациях системы глаголов говорения. Будучи поэтизмом уже в древнеанглийском языке, этот глагол постепенно исчезает в средний период в связи с затуханием англосаксонской поэтической традиции под влиянием иного литературного канона, принесенного с континента после нормандского завоевания Англии. Потребность в выражении особых, торжественных и церемониальных форм речи, однако, остается, и эту роль берет на себя глагол *quoth* «сказал, промолвил» (древнеангл. *swæð* от *swedan*), который, как и некогда *mabelode*, сохраняется только в форме 3 л. ед. ч. претерита и является высоким поэтизмом, используемым для введения прямой речи. Ср. известный рефрен стихотворения Эдгара По «Ворон»: *Quoth the Raven: 'Nevermore'*.

Итак, древнеанглийский героический эпос обладал целым набором слов и выражений для обозначения торжественной, ритуальной речи, которая связывалась с церемониальным характером отношений сюзерена и вассала, вождя и дружинника, хозяина и гостя, стража и пришельца. Центральное место среди них занимала формула '*X mabelode*' («Некто молвил»), которая вводила исключительно прямую речь и никогда не употреблялась при обозначении речи косвенной. Ее употребление чаще всего связывалось с ситуациями пира и битвы как важнейших социальных актов раннесредневекового общества, унаследованных от общегерманской эпохи, и указывало на высокий статус или служебный долг говорящего. Ограничение рамками первой краткой строки, единая акцентно-ритмическая схема и невозможность замены глагола или изменения порядка слов обнаруживают ее тесную связь с формированием древнейших канонов общегерманского аллитерационного стиха. Расширение за счет патронимов, этнонимов и эпонимов, а также наименований, указывающих на торжественный характер коммуникативного акта, придает ей значимость в отображении ценностей героического мира. Вместе с тем авторские ремарки нарративного или рефлексивного характера показывают глубокие изменения, которые претерпевала поэтика героического эпоса в «Беовульфе».

В тексте поэмы формула '*X mabelode*' нередко сопровождает описание ритуальных действий, составлявших естественную часть церемониального общения на собраниях знатных лиц (приветствие, прощание, пожелание удачи, похвальба, клятва, дарение сокровищ и т. п.). Этимологические параллели и деривационные связи глагола *mabelian* позволяют возвести семантику данной формулы к эпохе германского племенного сообщества. Дальнейшая ее судьба связана с угасанием англосаксонской поэтической традиции и трансформацией самого английского общества в эпоху нормандского завоевания Англии. Однако функции высокого поэтизма, специализирующегося на обозначении прямой речи, глагольная форма *mabelode* передала своему синониму *swæþ*, представленному в поэзии нового времени как *quoth*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гвоздецкая, Н. Ю. Нарративные основы формульности древнеанглийского поэтического текста / Н. Ю. Гвоздецкая // *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. Вып. 6. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 37–48.
2. Гуревич, А. Я. История – нескончаемый спор / А. Я. Гуревич. – М. : РГГУ, 2005. – 889 с.
3. Древнеанглийская поэзия / пер. В. Г. Тихомирова, ред. О. А. Смирницкой. – М. : Наука, 1982. – 320 с.
4. Матюшина, И. Г. Перебранка в древнегерманской поэзии / И. Г. Матюшина. – М. : РГГУ, 2011. – 304 с.
5. Смирницкая, О. А. Поэтическое искусство англосаксов / О. А. Смирницкая // *Древнеанглийская поэзия* / пер. В. Г. Тихомирова, ред. О. А. Смирницкой. – М. : Наука, 1982. – С. 171–232.
6. Смирницкая, О. А. Стих и язык древнегерманской поэзии : в 2 т. / О. А. Смирницкая. – М. : Филология, 1994. – Т. 1. – 484 с.
7. Шмитт, Ж.-К. Ритуал / Ж.-К. Шмитт // *Словарь средневековой культуры* / под ред. А. Я. Гуревича. – М. : РОССПЭН, 2003. – С. 408–412.
8. Benson, L. D. The Literary Character of Anglo-Saxon Formulaic Poetry / L. D. Benson // *Publications of Modern Language Association*. – 1966. – Vol. 81. – P. 334–341.
9. Beowulf and the Fight at Finnsburg / ed. with Introduction, Bibliography, Notes, Glossary and Appendices by F. Klaeber. – 3d ed. – Boston : D. C. Heath and Company, 1968. – 443 p.
10. Harris, J. 'Beowulf' in literary history / J. Harris // *Interpretations of Beowulf* / ed. by R. D. Fulk. – Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1991. – P. 235–242.
11. Magoun, F. P. Jr. The Oral-Formulaic Character of Anglo-Saxon Narrative Poetry / F. P. Jr. Magoun // *Speculum*. – 1953. – Vol. 28. – P. 446–467.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Беовульф* – Беовульф: Эпос / пер. В. Тихомирова. – СПб. : Азбука-классика, 2010. – 288 с.
- Beowulf* – Beowulf / ed. with an Introduction, Notes and New Prose Translation by M. Swanton. – Manchester : Manchester University Press, 1990. – 212 p.
- Bosworth-Toller* – An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collection of the Late Joseph Bosworth / ed. by T. N. Toller. – Oxford : Oxford University Press, 1898. – Electronic text data. – Mode of access: http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/oe_bosworthtoller_about.html. – Title from screen.

REFERENCES

1. Gvozdetskaya N.Yu. Narrativnye osnovy formulnosti drevneangliyskogo poeticheskogo teksta [Narrative Basis of Formulas in Old English Poetic Text]. *Atlantika. Zapiski po istoricheskoy poetike*. *Ûyp. 6*. [Atlantic. Notes on Historical Poetics. Iss. 6]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2004, pp. 37-48.
2. Gurevich A.Ya. *Istoriya – neskonchayemyy spor* [History is an Endless Dispute]. Moscow, RGGU Publ., 2005. 889 p.
3. Tikhomirov V.G., Smirnitskaya O.A., eds. *Drevneangliyskaya poeziya* [Old English Poetry]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 320 p.
4. Matushina I.G. *Perebranka v drevnegermanskoy poezii* [Flying in Old Germanic Poetry]. Moscow, RGGU Publ., 2011. 304 p.
5. Smirnitskaya O.A. Poeticheskoe iskusstvo anglosaksov [Poetic Art of Anglo-Saxons]. Tikhomirov V.G., Smirnitskaya O.A., eds. *Drevneangliyskaya poeziya* [Old English poetry]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 171-232.
6. Smirnitskaya O.A. *Stikh i yazyk drevnegermanskoy poezii: v 2 t. T. 1* [Verse and Language in Old Germanic Poetry. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Filologiya Publ., 1994. 484 p.
7. Shmitt Zh.-K. Ritual [Ritual]. Gurevich A.Ya., ed. *Slovar srednevekovoy kultury* [A Dictionary of Medieval Culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, pp. 408-412.
8. Benson L.D. The Literary Character of Anglo-Saxon Formulaic Poetry. *Publications of Modern Language Association*, 1966, vol. 81, pp. 334-341.
9. Klaeber F., ed. *Beowulf and the Fight at Finnsburg*. Boston, D.C. Heath and Company, 1968. 443 p.
10. Harris J. 'Beowulf' in literary history. Fulk R.D., ed. *Interpretations of Beowulf*. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1991, pp. 235-242.
11. Magoun F.P.Jr. The Oral-Formulaic Character of Anglo-Saxon Narrative Poetry. *Speculum*, 1953, vol. 28, pp. 446-467.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Tikhomirov V., ed. *Beovulf: Epos* [Beowulf: Epic]. Saint Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2010. 288 p.
- Swanton M. *Beowulf*. Manchester, Manchester University Press, 1990. 212 p.
- Toller T.N., ed. *An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collection of the Late Joseph Bosworth*. Oxford, Oxford University Press, 1898. Available at: http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/oe_bosworthtoller_about.html.

Information About the Author

Natalya Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of Department of English Philology, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125993 Moscow, Russian Federation, ngvozd@yandex.ru, en.philol@rggu.ru.

Информация об авторе

Наталья Юрьевна Гвоздецкая, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, 125993 г. Москва, Российская Федерация, ngvozd@yandex.ru, en.philol@rggu.ru.